

*
Плацкартное плавление. Два дня без четырёх часов. Подушка липнет, соседка сетует: «Россия гибнет», – и отчего-то смотрит на меня.

Россия гибнет, спорить не берусь. Унылые дома врастают в землю, на боковых, напившись, парни дремлют, не карауля драгоценный груз.

А зря: небритый зачастил цыган ходить за чаем, в стороны коситься, запоминая и места, и лица, – ох, неспроста активен так цыган!..

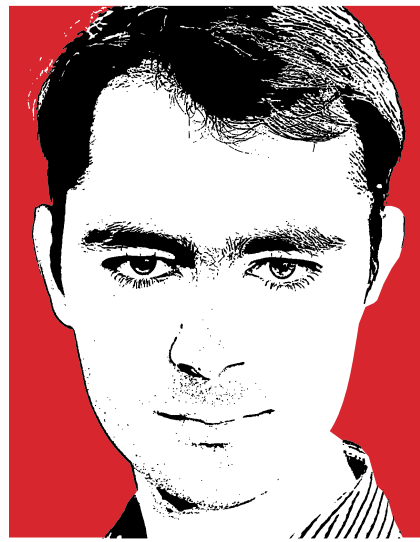
Кровь приливает к жаркой голове: бессонница, классическая форма!.. Что сделаешь – лежи себе покорно, и знай, что в девять выключают свет.

И знай, что вряд ли что-то изменить: задумывайся, сетуй ты, не сетуй, ведь нет России больше, кроме этой, и нужно как-то здесь учиться жить.

Плацкартной ночью, медленной, густой шептать стихи Гандлевского Сергея, браниться, что так греет батарея, лежать час первый, третий и шестой.

И, наконец, забыться к четырёх часам утра, и – снов хитросплетенье: полёт, паденье, вновь полёт, паденье, двойные двери и аэродром.

Плацкартное плавление. Очнись – одиннадцать часов, в разгаре – утро, соседки нет, с цыганом парни хмуρο играют в карты. Видимо, на груз.

Игорь ХОХЛОВ

ШКОЛЬНИК

Девяностые. Детство. Оптовки ряды, с контрабандой «КамАЗ» под кавказским надзором, люди, мысли и вещи – плотную, впритык, часто ставится пуля в конце разговора.

Все берут, все торгуют – художник, поэт, академик, актёр и военный в шинели: здесь – собрание Блока, там – блок сигарет, воздух, кажется, режут, фасуют и делают.

Семилетний мальчишка, а помнишь ли ты, на расходы тебе дали «энную сумму»? Что же ты приобрел? Пять наклеек крутых, шоколадный батончик с нугой и с изюмом!..

Не забыл ты, конечно же, тот лимонад, что ещё продавался в стеклянных бутылках, помнишь яблоки «джонатан», их аромат, и, наверное, мальчик, ты не забыл, как

в первый день сентября шёл пронзительный дождь, и звенел, и звенел, и звенел колокольчик, а тебя пробирала отчаянно дрожь – вот и школьник теперь ты, один среди прочих!